

УДК 124.51

ПРАВОСЛАВНАЯ АКСИОЛОГИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «КРОТКАЯ»

Я.В. КУШНАРЕНКО

**СибГУТИ
(ГОУ ВПО «Сибирский
государственный
университет
телекоммуникации
и информатики»)**

e-mail: janakush@mail.ru

В статье предпринимается попытка философского обоснования «голословного», по словам самого Ф. М. Достоевского, тезиса о вере в бессмертие души как главной идее человеческой жизни. Автор сосредотачивается на определении смысла понятий «вера», «разум», «любовь», «душа»; исследует соотношение веры и разума, веры и дел, веры и любви, опираясь на Священное Писание и святоотеческое наследие, представленное в статье работами преп. Максима Исповедника и преп. Иустина Поповича.

На философском языке раскрывается основное содержание православной аксиологии Ф. М. Достоевского, включая цели, ценности, высшую ценность и задачи человеческой жизни. Рассказ «Кроткая» рассматривается как практическая демонстрация основных выводов православной аксиологии Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова: аксиология, вера, бессмертие души, любовь.

*«...дразнили меня необразованностью и ретроградною
верою в Бога. Этим олухам и не снилось такой силы
отрицание Бога, какое положено в «Инквизиторе» и в предшествовавшей главе.
Не как дурак же (фанатик)
я верую в Бога. И эти хотели меня учить и смеялись над моим неразвитием!
Да их глупой природе и не снилось
такой силы отрицание, какое пережил я...».*

Ф. М. Достоевский¹

Цель статьи – дать философское обоснование тезиса Ф.М. Достоевского о вере в бессмертие души как главной идее человеческой жизни. Сам Ф.М. Достоевский называет свой тезис из «Дневника писателя» «голословным». Но что значит «голословие» Достоевского и возможно ли оно вообще у такого тонкого аналитика человеческой души, каким был Достоевский? На наш взгляд, если оно и возможно в области философии теоретической, то совершенно отсутствует в области собственно литературной деятельности, в мире художественных образов, на языке которых говорит Достоевский и разъясняет свою аксиологию и антропологию. Наша непосредственная задача в данном случае – раскрыть смысл понятий «вера», «разум», «любовь», «душа» с опорой на Священное Писание и святоотеческое наследие, представленное в статье работами преп. Максима Исповедника и преп. Иустина Поповича. Речь идет, следовательно, об изучении того мировоззренческого контекста, в котором укоренено и из которого вырастает все творчество Ф.М. Достоевского. Этот мировоззренческий контекст отнюдь не двусмыслен и не изменчив; имя ему – святое православие.

Преподобный Иустин Попович, сербский богослов и подвижник, называет Ф. М. Достоевского великим бесстрашным православным апостолом, восклицая: «Осанна Иисусу Сыну Божьему и Сыну Человеческому!»². С. Т. Аксаков говорит о Достоевском как о «неустрасимом исповеднике Имени Господнего»³. Практически все исследователи

¹ Цит. по: Преп. Иустин (Попович). Философия и религия Ф. М. Достоевского. Мн.: Издатель Д. В. Харченко, 2007. – С. 304-305.

² Преп. Иустин (Попович). Философия и религия Ф. М. Достоевского. Мн.: Издатель Д. В. Харченко, 2007. – С. 311.

³ Цит. по: Преп. Иустин (Попович). Философия и религия Ф. М. Достоевского. Мн.: Издатель Д. В. Харченко, 2007. – С. 307.

творчества Ф. М. Достоевского признают в нем неподражаемого реалиста, сумевшего изобразить «все глубины души человеческой».

Такая оценка личности и творчества Достоевского небезосновательна. Пережив мучительные сомнения и отрицания, обострив до предельной точки противоречия, легко фиксируемые обыденным взглядом неискушенного человека, перепроверив все возможные варианты ответов на «проклятые» вечные вопросы, Достоевский обретает твердый камень веры во Христа как в высшую и абсолютную ценность.

Благодаря вере во Христа Достоевскому удалось не просто осмыслить грех в качестве духовной болезни, но и назвать её причины: потеря веры в Бога, в бессмертие души, и как следствие – своеволие. Как отмечает преп. Иустин, Достоевский сам, будучи искушаемым, и, справившись с искушениями, может и искушаемым помочь.

Вера во Христа и любовь ко Христу послужила для Достоевского тем неиссякаемым источником любви, милосердия и сострадания к людям, без которых немислимо никакое различие добра и зла, истины и лжи в сфере социальной. «Зрячая» любовь Достоевского («любовь <...> не радуется неправде, а сорадуется истине»⁴) не оправдывает преступника и преступление, но зрит в корень души человеческой и обнаруживает в ней образ Божий – искаженный, отвергнутый человеком, но, тем не менее, поддерживаемый Богом-Творцом в бесконечной надежде на спасение человека.

Духовное зрение Достоевского руководствуется неизменной истиной: любви грешника и ненависть грех. Именно любовь к грешнику даёт возможность увидеть и квалифицировать грех в качестве греха, то есть в качестве такой ошибки, которая имеет своим следствием искажение и разрушение человеческой природы.

В «Дневнике писателя» за 1876 год (октябрь) Достоевский пишет по поводу бездумных оправданий подсудимых: «Мы понимаем, что можно жалеть преступника, но нельзя же называть зло добром в таком важном деле как суд; <...> Являлась или ложная сентиментальность или непонимание того, что в суде первое дело, первый принцип дела состоит в том, чтобы зло было определено по возможности, по возможности указано и названо злом всенародно»⁵. Знарок человеческой природы во всех её глубинах и основаниях, он совершенно верно указывает на наличие некой черты в рассуждениях о причинах преступления (греха), «которую невозможно преступить, иначе пришлось бы совершенно обезличить человека, отнять у него всякую самость и жизнь, приравнять его к пушинке, зависящей от первого ветра, одним словом, возвестить как бы какую-то новую природу человека»⁶.

Благодаря вере во Христа, Достоевский восстает против обезличивания человека, против игнорирования его свободы, против снятия с человека ответственности даже в таком тяжком действии как самоубийство. Теме самоубийства посвящен художественный рассказ «Кроткая», опубликованный в «Дневнике писателя» (1876 г.) и непосредственно «дневниковые» заметки, сопровождающие этот рассказ (октябрь, декабрь 1876 г.).

Толчком для размышления на данную тему послужили реальные случаи самоубийства, на двух из которых Достоевский останавливается подробнее в своем «Дневнике»: самоубийство бедной молодой девушки-швеи с образом в руках (этот случай лег в основу сюжета «Кроткой») и самоубийство 17-летней девушки – дочери эмигранта, оставившей «вызывающую» записку.

Признавая, что «истребление себя есть вещь серьезная, несмотря на какой бы там ни было шик, а эпидемическое истребление себя, возрастающее в интеллигентных классах, есть слишком серьезная вещь, стоящая неустанного наблюдения и изучения»⁷, и, не ставя себе цель – подробно объяснить каждое самоубийство в отдельности, Достоевский, тем не менее, как опытный врач в сфере духовной, диагностирует общую для всех самоубийств духовную болезнь – отсутствие высшей идеи существования, индифферентизм, «заевший» душу. «А высшая идея на земле *лишь одна* и именно – идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные «высшие» идеи жизни, которыми может быть жив

⁴ 1 Кор 13. 6.

⁵ Достоевский Ф. М. Дневник писателя: Избранные страницы. М.: Современник, 1989. – С. 314-315.

⁶ Достоевский. Цит. соч. – С. 315.

⁷ Достоевский. Цит. соч. – С. 357.

человек, *лишь из неё одной вытекают*⁸; «<...> только с верой в свое бессмертие человек постигает всю разумную цель свою на земле»⁹; «<...> без веры в свою душу и в её бессмертие бытие человека неестественно, невыносимо и невыносимо»¹⁰. В этих тезисах – вся философия Достоевского, вся онтология, гносеология, антропология и аксиология; в этих словах Достоевский исповедает собственную веру в Бога, поскольку как он сам отмечает, «бессмертие души и Бог – это всё одно, одна и та же идея»¹¹.

Прежде чем обратиться к главным героям рассказа «Кроткая», а также к рассуждениям материалиста-самоубийцы в статье «Приговор» («Дневник писателя»), следует вдуматься в смысл слов «вера» и «бессмертие души». Опорой в этом размышлении для автора статьи будет Священное Писание и святоотеческое наследие.

Первое, на чем останавливается внимание, это тот факт, что к вере призывает Сам Христос, связывая веру со спасением:

«Иисус сказал ему: если сколько-нибудь можешь веровать, всё возможно верующему»¹²;

«<...> имейте веру Божию»¹³;

«Кто будет веровать и креститься – спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет»¹⁴;

«<...> где вера ваша?»¹⁵;

«Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную»¹⁶;

«Верующий в Него не судится, а неверующий уже осужден, потому что не уверовал во имя Единородного Сына Божия»¹⁷;

«Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего в Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь»¹⁸;

«<...> вот дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал»¹⁹;

«<...> Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда»²⁰;

«Воля Пославшего меня есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день»²¹;

«<...> ибо если не уверуете, что это Я, то умрете во грехах ваших»²²;

«<...> Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек. Верешь ли сему?»²³;

«Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит»²⁴.

Понять столь огромную роль веры в человеческой жизни невозможно без знания особенностей человеческой природы и предназначения человека. Святоотеческая антропология, тесно связанная с христологией и триадологией, соединяет в себе не только онтологию и гносеологию, давая ответы на вопросы об основаниях бытия человека и о спе-

⁸ Достоевский. Цит. соч. – С. 349.

⁹ Достоевский. Цит. соч. – С. 351.

¹⁰ Достоевский. Цит. соч. – С. 348.

¹¹ Цит. по: Преп. Иустин (Попович). Философия и религия Ф. М. Достоевского. Мн.: Издатель Д. В. Харченко, 2007. – С.132.

¹² Мк 9. 23.

¹³ Мк 11. 23.

¹⁴ Мк 16. 16.

¹⁵ Лк 8. 25.

¹⁶ Ин 3. 16.

¹⁷ Ин 3. 18.

¹⁸ Ин 5. 24.

¹⁹ Ин 6. 29.

²⁰ Ин 6. 35.

²¹ Ин 6. 40.

²² Ин 8. 24.

²³ Ин 11. 25, 26.

²⁴ Ин 14. 12.

цифике его познавательных актов, но и телеологию и аксиологию, указывая на цель и высшую ценность человеческой жизни.

Святые отцы, и в частности преп. Максим Исповедник, называют сотворенную человеческую природу (сущность) составной или сложной, состоящей из души и тела, рождающихся одновременно и произвольно соединенных «ради восполнения усматриваемой в сущих целокупности»²⁵. И далее: «Ведь во всех вообще сложных по природе вещах составление вида как целого из частей совершается не соединением одного с другим по принятию, а совокупным возникновением частей из небытия по схождению друг с другом одновременно с возникновением совершается составление целого»²⁶. В Письме VII, рассуждая о человеческой душе, Максим Исповедник отмечает, что душа движется и действует «не кругообразно или поступательно, или, кратко говоря, телесно, а умом и разумом»²⁷. При этом душа разумна и умна сама по себе, а не благодаря телу: «<...> душа, существующая после рождения вечно благодаря Богу, таковой создавшему её, самостоятельно и по собственной природе всегда и мыслит, и рассуждает, и познаёт и сама по себе, и в соединении с телом»²⁸.

Душа человека называется мыслящей и разумной, потому что ум и разум – главные самовластные силы человеческой души. Сила же, по определению Максима Исповедника, есть неуклонное движение природы к действию. Действие – завершённое движение.

Душа обладает также жизненной силой, которая не самовластна в отличие от ума и разума: «<...> жизненная сила пребывает неподвижной, по природе не обладая свободой выбора»²⁹. В каком же отношении между собой находятся ум, разум и жизненная сила (чувства) и каково их предназначение?

Ум, по Максиму Исповеднику, – движущее начало разумной силы, а разумная сила – промыслительное начало жизненной силы. Цель и замысел Бога относительно человеческой души – свободное единение человека с Богом по подобию Христа. Слово Божие, ставшее человеком, «явило, если позволительно так сказать, самое глубинное основание Отческой Благодати и показало в Себе конец, ради которого, как очевидно, твари и восприняли начало своего бытия»³⁰.

Завершением движения ума является Бог как Истина, завершением движения разума является Бог как Благо. Ум, устремляясь к Богу, обнаруживает себя как мудрость (сила ума), развивается в созерцании (навык ума) и достигает своей кульминации в ведении (деятельность ума или его действие в качестве завершённого движения). Разум, устремляясь вслед за умом к Богу, обнаруживает себя как рассудительность (сила разума), развивается в делании (навык разума, осуществляемый телесным образом) и достигает своей кульминации в добродетели (деятельность разума или его действие в качестве завершённого движения).

Разум играет роль своеобразного посредника в целостном составе человеческой природы, поскольку призван Словом Божиим промыслительно управлять жизненной силой и соединить её с умом, цель которого – «прилепиться» к Богу.

Последовательно разводя силу, навык и действие как ума, так и разума, Максим Исповедник вводит ещё одну пару понятий – «незабывающее ведение» и «вера». Незабывающее ведение – это приобретаемый человеком и поддерживаемый Богом навык ума в ведении Бога; ведение же – выражение мудрости. Следовательно, именно как синтез силы, навыка и действия ума следует понимать «незабывающее ведение». Иными словами, «незабывающее ведение» – это постоянство ведения ума, устремленного к Богу.

²⁵ Преп. Максим Исповедник. Письмо XIII // Прп. Максим Исповедник: полемика с оригенизмом и моноэнергизмом / Сост. Г. И. Беневич, Д. С. Бирюков, А. М. Шуфрин. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. Т. II. – С. 167. (Византийская философия. Т. 2; Smaragdus Philocalias).

²⁶ Преп. Максим Исповедник. Цит. соч. Письмо XIII. – С. 168.

²⁷ Преп. Максим Исповедник. Цит. соч. Письмо VII. – С. 115.

²⁸ Преп. Максим Исповедник. Цит. соч. Письмо VII. – С. 115.

²⁹ Преп. Максим Исповедник. Мистагогия // Преп. Максим Исповедник. Избранные творения. М.: Паломник, 2004. – С. 220. (Библиотека отцов и учителей церкви. Т. XIV).

³⁰ Цит. по: Шервуд П. Максим и оригенизм // Прп. Максим Исповедник: полемика с оригенизмом и моноэнергизмом / Сост. Г. И. Беневич, Д. С. Бирюков, А. М. Шуфрин. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. Т. I. – С. 521. (Византийская философия. Т. 1; Smaragdus Philocalias).

Что же такое вера? Вера – это «внутренняя и неизменная связь рассудительности, делания и добродетели»³¹. По аналогии с незабываемым ведением вера – это синтез силы, навыка и действия разума; это твердый навык разума в добродетели.

Такое понимание веры проливает свет как на соотношение веры и разума, так и на соотношение веры и дел. Верой «<...> разум первоначально обладает, благодаря рассудительности как возможности, – отмечает Максим Исповедник, – а затем она является осуществленной, в соответствии с добродетелью обнаруживаясь в делах, ибо написано: *Вера без дел мертва* <...> [Иак 2:20]. Через веру же разум приходит к Благу, где он, прекращая деятельность, обретает свое свершение, поскольку его сила, свойство (навык – К.Я.) и действие ограничиваются [этим Благом]»³².

Вера как возможность разума есть именно возможная направленность, возможная устремленность самовластного движения разума. Осуществленная вера – это реальное движение человеческой души к Богу, это постоянство в добродетели, когда из слов и дел человека обнаруживается действующий в нем Христос³³.

Знакомые слова молитвы обретают в связи с вышесказанным свою исходную ясность: «Вера же вместо дел да вменится мне, Боже мой, не обрящещи бо дел отнюд оправдающих мя. Но та вера моя да довлеет вместо всех, та да отвечает, та да оправдит мя, та да покажет мя причастника славы Твоя вечныя»³⁴.

В самом деле, в основании добродетели как заверщенного движения души к Богу лежит вера в качестве вектора или, другими словами, направленности данного движения. И порой оказывается, что по независящим от человека обстоятельствам (или зависящим, но не использованным в должной мере) добродетель как таковая не состоялась, не осуществилась. Всё, чем может оправдаться человек в данной ситуации – это добрым намерением, своей устремленностью ко Христу как единственно неизменному, вечному и реальному Благу. Иногда и саму веру приходится с большим трудом и скорбью отвоевывать у рассеянности, распада и ослабленности, которые незаметно для человека поглощают его душевные силы.

Особого внимания заслуживает сравнение веры с Царством Божиим в работе «Вопросоответы к Фалассию» Максима Исповедника: «Господь, научая о неизреченных, незримых и чаемых благах, говорит: Царствие Божие внутрь вас есть (Лк 17:21). Стало быть, вера в Бога есть то же самое, что и Царствие Божие, и они только мысленно отличаются друг от друга. Ибо вера есть безвидное Царствие Божие, а Царствие [Божие] есть вера, божественным образом обретающая [свои] формы. Так что согласно этому речению не вне нас, [а внутри] нас находится вера, которая будучи приводимой в действие божественными заповедями, становится Царствием Божиим, познаваемым только теми, кто обладает [Им]. Если же Царствие Божие есть приводимая в действие вера и оно же непосредственно соединяет с Богом царствующих в ней, то вера ясно предстает как связующая сила или действенная связь превышесущественного, непосредственного и совершенного единения верующего с Богом, в Которого он верит»³⁵.

Теперь становится понятным – почему вере отводится такая большая роль в деле спасения и обожения человека. Ведь вера – это связующая сила единения человека с Богом; без этой связующей силы нет самого единения, поскольку она – его условие: «<...> вера есть краеугольный камень, и на ней зиждится всё здание божественных деяний и умозрений»³⁶.

В Посланиях Апостолов рассуждениям о смысле и ценности веры отводится едва ли не главенствующая роль. В посланиях к римлянам, евреям и галатам Апостола Павла красной нитью проходит противопоставление веры и дел закона. Логика Павла заслужи-

³¹ Преп. Максим Исповедник. Мистагогия // Преп. Максим Исповедник. Избранные творения. М.: Паломник, 2004. – С. 224. (Библиотека отцов и учителей церкви. Т. XIV).

³² Там же. – С. 223-224. (Библиотека отцов и учителей церкви. Т. XIV).

³³ См.: Преп. Максим Исповедник. Слово о подвижнической жизни // Преп. Максим Исповедник. Избранные творения. М.: Паломник, 2004. – С. 126. (Библиотека отцов и учителей церкви. Т. XIV).

³⁴ Молитвослов на всякую потребу и на всякий день. СПб.: Изд-во Сатисъ, 2006. – С. 20.

³⁵ Преп. Максим Исповедник. Вопросоответы к Фалассию II. Вопрос 33 // Преп. Максим Исповедник. Творения. Кн. II. Вопросоответы к Фалассию. Ч.1. Вопросы I-LV. М.: Мартис, 1993. – С. 91.

³⁶ Преп. Максим Исповедник. Цит. соч. – С. 96.

вает особого внимания. Заявляя о том, что «<...> делами закона не оправдается никакая плоть»³⁷, и что «<...> человек оправдывается верою, независимо от дел закона»³⁸, Павел, опережая недоумение слушателя, разъясняет: «Итак, мы уничтожаем закон верою? Никак; но закон утверждаем»³⁹, «потому что конец закона – Христос, к праведности всякого верующего»⁴⁰. Обнаруживая недостаточность дел закона, Павел критикует «внешнее» благочестие и дает настоящий совет – наполнить «внешнюю» форму «внутренним» содержанием – верой в Источник Благочестия, верой в Бога. А там, где вера, там и непосредственное единение с Богом и ближним в Боге: «Ибо весь закон в одном слове заключается: люби ближнего твоего как самого себя»⁴¹.

Павел называет закон детоводителем ко Христу. Христос же как начальник и совершитель веры, ведь «<...> вера от слышания, а слышание от слова Божия»⁴², призывает в свободном единении с Богом сотворить плоды духа, полученного по вере: «<...> любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, кротость, воздержание»⁴³. Этот призыв «облечься во Христа» следует рассматривать как призыв стать сынами Божиими не только по названию, но и на деле.

Источник апостольской радости – Богочеловек Христос-Победитель смерти. Смерть есть явное выражение разобщения и распада душевных сил человека (мыслящей, разумной и жизненной) вследствие их дезориентации и противоположной направленности. Противоприродная направленность, она же – противоположная, представляет собой результат самовластного (свободного) игнорирования человеком замысла Божьего о нем, и как следствие – удаление от Бога. Однако человек, отказавшись от устремленности согласно логосу благобытия, не уничтожает своим отказом собственную душу – главный дар Бога человеку. Разумная и мыслящая душа человека бессмертна по воле милосердного и долготерпеливого Бога. Логос бытия продолжает поддерживать и сохранять человеческую душу как некий фундамент распавшейся по вине человека целостности: «Приснобытие или небытие мыслящей и разумной сущности находится в воле Создавшего всё добрым; но быть благими или дурными по произволению – зависит от воли тварей»⁴⁴. Воля Божья о человеке, открытая нам Христом, неизменна – жизнь вечная. Таким образом, даже после смерти тела человеческая душа сохраняет все свои естественные способности, хотя и в разной степени их развитости.

Логосом человеческой природы Максим называет творящую и промысляющую энергию Бога; иными словами – Божественное мысле-действие, ориентироваться на которое и соучаствовать в котором призван человек. Сами Божественные логосы суть Божественные призывы, обращенные к человеку.

Вера в бессмертие души – ничто иное, как согласие с замыслом Божьим о человеке, который открывается Богом через Его действия. Это согласие предполагает ответное движение и действие со стороны человека. Следовательно, вера включает в себя и деятельный компонент, на который акцентирует внимание апостол Павел в Послании к евреям: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом»⁴⁵. «Осуществление ожидаемого» – это как раз исполнение человеком воли Божьей о нем, а «уверенность в невидимом» – доверие к Богу относительно того, что по тем или иным причинам сокрыто от человека, ибо согласно Максиму Исповеднику, вере уступается ведение превышающих человеческие силы смыслов.

Бессмертие души легко назвать вымыслом на том основании, что данный факт не подтвержден научно. Но парадоксальным образом факт, не подтвержденный научно, оказывается подтверждаемым жизненным опытом человека, поскольку потеря веры в бес-

³⁷ Гал 2. 16.

³⁸ Рим 3. 28.

³⁹ Рим 3. 31.

⁴⁰ Рим 10. 4.

⁴¹ Гал 5. 14.

⁴² Рим 10. 17.

⁴³ Гал 5. 22.

⁴⁴ Преп. Максим Исповедник. Главы о любви IV. 13 // Преп. Максим Исповедник. Избранные творения. М.: Паломник, 2004. – С. 187. (Библиотека отцов и учителей церкви. Т. XIV).

⁴⁵ Евр 11. 1.

смертие души влечет за собой потерю ориентиров существования, отчаяние и тоску. Неверие в призванность человека к свободному приумножению дарованных Богом «талантов», как, впрочем, и в реальность самих даров, обесмысливает человеческую жизнь, лишает её цели и ценности, ведет к замыканию человека на самом себе, к триумфу своей воли. Человек оказывается не в состоянии ужиться с миром, с его трудностями, скорбями и страданиями, ибо он не находит данности, которую способен полюбить, а наличие заданности и инструментария для выполнения этого задания он по слепоте душевной разглядеть не может. Ибо только вера, вполне сопоставимая с духовными очами души, «<...> есть победа, победившая мир»⁴⁶. Речь идет о победе в смысле творения добродетели во имя Господа и ради спасения ближнего. В качестве итога данного рассуждения следует отметить, что только рожденный от Бога (в контексте Ф. М. Достоевского – верующий в бессмертие души) способен победить мир. Рожденный от Бога – тот, кто получил благодать Святого Духа при крещении и кто, веруя, старается стать чадом Божиим, прикладывая деятельные усилия.

В чем же заключается трагедия главных героев рассказа «Кроткая»? Это небольшое произведение, посвященное короткому периоду семейной жизни мужчины средних лет (41 год) и молодой девушки, закончившей жизнь самоубийством, до предела обостряет проблему выбора между верой и безверием, поскольку ситуация, конструируемая Достоевским, изначально окрашена в темные тона. Замкнутость мужа, высокомерие, гордыня, отъединение и вместе с тем позиция экспериментатора по отношению к жене – так началась семейная жизнь 16-летней девушки. Однако в исповеди этого человека перед гробом жены, в его попытке «собрать мысли в точку» и уяснить причины происшедшего, ясно обнаруживается и жажда любви, и сама любовь, хотя и перемешанная с себялюбием и гордыней: «Как ведь тут судить человека? Разве не любил я её даже тогда уже?»⁴⁷; «И мог разве я вообразить её другою? Из-за чего ж я любил, из-за чего ж я ценил её, из-за чего ж женился на ней?»⁴⁸. В его тяжелом сбивчивом, но покаянном монологе обнаруживается жажда иметь друга, стремление к единению: «<...> вводя её в дом, я думал, что ввожу друга, мне же слишком был надобен друг»⁴⁹. Вместе с тем последние слова этой фразы указывают на себялюбие и тиранию по отношению к ближнему: «Но я видел ясно, что друга надо было приготовить, доделать и даже победить»⁵⁰. Отсюда и жизненная идея главного героя рассказа – остаться загадкой для жены, оставить дистанцию, выдержать как можно дольше отъединение.

Главный герой не сразу понимает всю пагубность подобных идей и душевных устремлений (пагубность именно в силу их противоприродной направленности) и ещё много раз на протяжении своего монолога упомянет о том, что его система была истинная, что, на самом деле, жена во всем виновата. Только в конце исповеди главный герой, как отмечает в предисловии к рассказу Ф. М. Достоевский, приходит, наконец, к правде; «правда неотразимо возвышает его ум и сердце. <...> Истина открывается несчастному довольно ясно и определительно, по крайней мере для него самого»⁵¹.

В чем же заключается эта истина? Герой вдруг отчетливо осознает, что отъединение, замыкание на себя – это бред и мука, это смерть! Своей ориентацией на разъединение он во многом подтолкнул жену к самоубийству, заставил её свыкнуться с мыслью о том, что разъединение – это норма («я думала, что вы меня оставите так»⁵²), в конце концов, спровоцировал её болезнь: «Измучил я её – вот что!»⁵³. Герой понимает, что именно оскудение любви – причина произошедшей трагедии. Он в сердцах восклицает: «Люди на земле одни – вот беда! «Если в поле жив человек? – кричит русский богатырь. Кричу и я, не богатырь, и никто не откликается. <...> «Люди, любите друг друга» – кто это

⁴⁶ 1 Ин 5. 4.

⁴⁷ Достоевский Ф. М. Кроткая (фантастический рассказ) // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 24. Ленинград: Издательство «Наука», 1982. – С. 12.

⁴⁸ Достоевский. Цит. соч. – С. 20.

⁴⁹ Достоевский. Цит. соч. – С. 24.

⁵⁰ Достоевский. Цит. соч. – С. 24.

⁵¹ Достоевский. Цит. соч. – С. 5.

⁵² Достоевский. Цит. соч. – С. 28.

⁵³ Достоевский. Цит. соч. – С. 35.

сказал? чей это завет?»⁵⁴. Эта заповедь услышана, наконец, главным героем рассказа. Слово истины, сказанное Спасителем, согласно апостолу Павлу, «<...> живо и действительно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные»⁵⁵.

Слово обращается с призывом любить друг друга! Но любовь человека к человеку и любовь к человечеству, согласно Ф. М. Достоевскому, «<...> совсем невозможна без совместной веры в бессмертие души человеческой»⁵⁶. В свою очередь, верить в бессмертие души, значит, верить в Творца бессмертной души, всеми силами устремляться к Нему как к подлинному Источнику жизни в надежде на спасение. Таким образом, вера в бессмертие души, вера в Бога, любовь к Богу, любовь человека к человеку – тесно связаны друг с другом.

Преподобный Иустин Попович рассуждает следующим образом: «<...> две заповеди (о любви к Богу и любви к человеку – К.Я.) едины по сущности. Первая – всегда первая и всегда наибольшая; вторая – всегда вторая. Вторая есть лишь зримое проявление первой, <...> без первой вторая невозможна»⁵⁷. Чем же обусловлена эта тесная взаимосвязь двух заповедей?

Преподобный Максим Исповедник в «Главах о любви» поясняет: «Стяжавший же любовь, стяжал Самого Бога, поскольку *Бог есть любовь* (1 Ин 4:16)»⁵⁸. Особого внимания заслуживает рассуждение Максима Исповедника о взаимосвязи веры, надежды и любви. Веру Максим называет основой надежды и любви; надежду – силой, которая скрепляет любовь и веру, поскольку надежда «являет собой то, во что должно верить и что должно любить и научает, как должно через нее совершать путь к этому»⁵⁹. Любовь же, согласно Максиму, есть исполнение веры и надежды: «всею собою охватывая весь предельный предмет желания и прекращая их (веры и надежды – К.Я.) движение к нему, она вместо веры в его бытие и надежды на его будущее осуществление дарует собою вкушение его в настоящем. Собственно говоря, только она одна и представляет человека сущим по образу Творца, мудро подчиняя разуму то, что находится в нашей власти, но не склоняя [вью самого] разума перед этим. Она убеждает волю двигаться соответственно естеству и не бунтовать против логоса природы. Ибо благодаря этому логосу мы все можем обладать как одним естеством, так и одной волей и одним хотением, будучи [созвучными] с Богом и друг с другом и не отдаляясь от Бога и друг от друга, если, конечно, избираем в качестве основополагающей идеи закон благодати, посредством которого мы добровольно обновляем закон естества»⁶⁰.

Следовательно, подлинное единение людей друг с другом будет иметь место только тогда, когда самовластные движения различных человеческих душ (ипостасей человеческой природы) обретут одну единую направленность – к Богу с целью единения с Ним через благодатное причастие. Единство человеческой природы достигнет полноты тогда, когда человеческая природа в каждой своей ипостаси соединится с энергиями Божественной природы. Но в этом случае и нераздельность ипостасей (при их неслиянности друг с другом – !) достигнет своей кульминации, поскольку не только ипостаси человеческой природы будут нераздельными между собой, но нераздельными окажутся Ипостаси Троицы с ипостасями человеческой природы в силу обожения последней. Именно к этому призывает Христос и об этом молится Отцу: «<...> да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, – да уверует мир, что Ты послал Меня. И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино. Я в них, и Ты во Мне;

⁵⁴ Достоевский. Цит. соч. – С. 35.

⁵⁵ Евр 4. 12.

⁵⁶ Достоевский Ф. М. Дневник писателя: Избранные страницы. М.: Современник, 1989. – С.351.

⁵⁷ Преп. Иустин (Попович). Философия и религия Ф. М. Достоевского. Мн.: Издатель Д. В. Харченко, 2007. – С. 188.

⁵⁸ Преп. Максим Исповедник. Главы о любви IV. 100 // Преп. Максим Исповедник. Избранные творения. М.: Паломник, 2004. – С. 200. (Библиотека отцов и учителей церкви. Т. XIV).

⁵⁹ Преп. Максим Исповедник. Послание к Иоанну Кубикулярию о любви // Преп. Максим Исповедник. Избранные творения. М.: Паломник, 2004. – С. 203. (Библиотека отцов и учителей церкви. Т. XIV).

⁶⁰ Преп. Максим Исповедник. Цит. соч. – С. 203.

да будут совершенно воедино, и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня»⁶¹.

В «Послании к Иоанну Кубикуларию» Максим Исповедник определяет любовь следующим образом: любовь есть «<...> всецелая внутренняя связь с Первым Благом и с всеобщим Промыслом о естестве всего рода [человеческого]. <...> Эту связь мы знаем как любовь и именуем любовью, не считая любовь к Богу и любовь к ближнему за нечто раздельное, но признавая её всю целиком за единую и ту же самую, ибо ею мы обязаны Богу и она сочетает людей друг с другом. Ибо осуществлением и ясным доказательством совершенной любви к Богу является искренне расположение к ближнему, [достигаемое] через добровольное благоволение»⁶².

Возвращаясь к рассказу «Кроткая», следует отметить, что его кульминацией несомненно выступает событие «падения пелены» с ума и сердца главных героев. Падение пелены сопровождается неизъяснимым восторгом и радостью, сравнимой, пожалуй, с радостью стиснутой до сего времени со всех сторон воды и вдруг вырвавшейся на простор и предавшейся полноте течения. На понимание противоположности отъединения указывают слова самого героя: «<...> но я сам-то где был всю зиму? был ли я-то при моей душе?»⁶³. Порыв любви, сопровождавшийся покаянными нотами, порыв благоволения к жене, жальность к ней, чуткость и одновременно восторг, жажда новых взаимоотношений в единстве и любви – вот что наполняло душу рассказчика в момент подлинной жизни его души.

Что же помешало ей ответить тем же и заставило решиться на самоубийство? Повторяя слова Достоевского, «эта кроткая, истребившая себя душа невольно мучает мысль»⁶⁴, тем более что «выбросилась она и упала на землю, держа в руках образ. Этот образ в руках – странная и неслыханная ещё в самоубийстве черта! Это уж какое-то кроткое, смиренное самоубийство»⁶⁵. Достоевский не случайно называет свой рассказ «Кроткая»; его главная цель – разобраться в причинах такого не-кроткого действия как самоубийство. Как было сказано выше, главная причина самоубийства, по Достоевскому, – потеря веры в бессмертие души, потеря веры в Бога, замыкание на себя, своеволие. Своёволие отчетливо обнаруживает себя как в действиях Кириллова (роман «Бесы»), так и в сочиненном Достоевским рассуждении материалиста (статья «Приговор» в «Дневнике писателя» за октябрь 1876 г.). Для уяснения стартовых точек своеволия, его движущих механизмов и для спецификации на этом фоне ситуации с девушкой из рассказа «Кроткая» рассмотрим подробнее ход мысли материалиста.

1. Рассуждающий ставит вопрос: какое право имела природа производить меня, сознающего, без моей на то воли? Констатируется, что сознание – страдание. Почему? Человек осознает себя мышью в мышеловке неумолимых законов природы, обезличивающих природных и общественных сил, неясного устройства жизни, когда чья-нибудь воля вдруг одерживает победу и триумф. Это сознание безысходности положения причиняет невыносимую боль и страдание. Душа жаждет осмысленности и не достигает её.

2. Сознание бунтует против конечности жизни человека, и никакая «возвещаемая» природой гармония целого не убеждает человека жить, поскольку человек не видит смысла в этой конечности. Жить ради конечного наслаждения – глупо, ради призрачной и опять же конечной для отдельного индивида гармонии целого – значит превращать себя в средство, в подопытный элемент, согласиться на обезличивание. Изначально грозящий в будущем ноль обесмысливает всё настоящее и всё ближайшее «завтра». Сознание не соглашается с такими законами природы.

3. Сознание убеждается, что единственный его собеседник – оно само, так как «природа, чтоб отвечать мне на мои вопросы предназначила мне (бессознательно) *меня же самого* и отвечает мне моим же сознанием <...>»⁶⁶. Сознание находит такую ситуацию

⁶¹ Ин 17. 21-23.

⁶² Преп. Максим Исповедник. Послание к Иоанну Кубикуларию о любви // Преп. Максим Исповедник. Избранные творения. М.: Паломник, 2004. – С. 207. (Библиотека отцов и учителей церкви. Т. XIV).

⁶³ Достоевский Ф. М. Кроткая (фантастический рассказ) // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 24. Ленинград: Издательство «Наука», 1982. – С. 27.

⁶⁴ Достоевский Ф. М. Дневник писателя: Избранные страницы. М.: Современник, 1989. – С. 325.

⁶⁵ Достоевский. Цит. соч. – С. 324.

⁶⁶ Достоевский. Цит. соч. – С. 326.

абсурдной и человек бросает природе вызов, убивая себя: «Я присуждаю эту природу, которая так бесцеремонно и нагло произвела меня на страдание, – вместе со мной к уничтожению... А так как природу я истребить не могу, то истреблю себя одного, единственно от скуки сносить тиранию, в которой нет виноватого»⁶⁷.

Рассуждения героя романа «Бесы» Кириллова очень похожи на рассуждения материалиста именно в своей мотивации, суть которой – бунт против наличной бессмыслицы и попытка заявить о своей воле, попытка обнаружить такую полноту распоряжения собой, которая включает в себя даже самоубийство: «<...> самый полный пункт моего своеволия – это убить себя самому»⁶⁸; «я обязан неверие заявить, – вещает Кириллов. – Для меня нет выше идеи, что Бога нет»⁶⁹; «кто смеет убить себя, тот бог»⁷⁰. Полное отсутствие веры в призванность человека, в реальность даров, которые человек получил от Творца, включая не только «можения», но и саму жизнь, саму способность распоряжаться ими, приводит человека к болезненному замыканию на себя, к игнорированию логосов Божьих и как следствие – к противоположному и противоположному движению.

Результат первого варианта «недолжного использования природных сил» (своеволия), когда человек совершает противоположные и противоположные движения – тление и смерть как выражение распада природных сил (вместо возможного их соединения!). Результат второго варианта «недолжного использования естественных сил (самоубийства как высшего проявления своеволия) – вольная смерть, которая, как и любая смерть, обнаруживает распад природных сил, но в данном случае – вследствие **осознанного** отказа от распоряжения собой вообще, добровольного согласия на распад и разъединение.

Самоубийство имеет целью засвидетельствовать отказ человека от жизни и выбора. В итоге человек отвергает самовластные движения, отвергает рассудительность и мудрость как возможности разума и ума. Однако сами ум и разум в качестве главных сил человеческой души не уничтожаются отказом человека. Душа с её сущностными силами – умом и разумом – бессмертна по воле Бога-Творца, и самоубийца не в состоянии уничтожить свою душу. Но последнее противоположное движение самоубийцы оставляет душу не только без тела как своего инструмента (ведь и мученики за Христа вольно шли на смерть и лишались тела), оно оставляет душу лишенной своих «можений» – мудрости и рассудительности в силу добровольного отказа самоубийцы задавать какой-либо вектор движения. В итоге душа оказывается при том противоположном и противоположном движении, которое выбрала для себя сама, и сама же сделала этот выбор последним. Человек лишает себя в этом случае покаяния. Вновь дарование этой возможности зависит теперь только от милости Божьей.

В чем же особенность своеволия главной героини рассказа «Кроткая»? Здесь нет кичливости собой, нет желания заявить о себе, что-то доказать кому-то, нет никакого упрека и все же – нежелание жить и осуществление этого нежелания с образом в руках. Что предшествовало этому? Как рассказывает муж о начале их семейной жизни, «она с самого начала, как ни крепилась, а бросилась ко мне с любовью, встречала, когда я приезжал по вечерам, с восторгом, рассказывала своим лепетом (очаровательным лепетом невинности!) всё свое детство, младенчество, про родительский дом, про отца и мать. Но я всё это упоение тут же обдал сразу холодной водой»⁷¹. Самолюбование, гордость и саможаление мужа, требование от жены не просто уважения, а поклонения своим страданиям привели девушку в замешательство. Её первая реакция на греховную болезненность его души – недоверчивая, молчаливая, нехорошая улыбка. Жена вынуждена была принять молчание мужа: «Правда, это я на молчание напер, а не она. С её стороны раз или два были порывы,

⁶⁷ Достоевский. Цит. соч. – С. 326.

⁶⁸ Цит. по: Преп. Иустин (Попович). Философия и религия Ф. М. Достоевского. Мн.: Издатель Д. В. Харченко, 2007. – С. 77.

⁶⁹ Преп. Иустин (Попович). Цит. соч. – С. 77.

⁷⁰ Цит. по: Преп. Иустин (Попович). Философия и религия Ф. М. Достоевского. Мн.: Издатель Д. В. Харченко, 2007. – С. 76.

⁷¹ Достоевский Ф. М. Кроткая (фантастический рассказ) // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 24. Ленинград: Издательство «Наука», 1982. – С. 13.

бросалась обнимать меня; <...> я принял холодно»⁷². В ответ на молчание мужа её улыбка сменяется насмешливой складкой и дерзким видом.

Что же здесь – защита от эксперимента мужа? Неприятие разъединения? Замыкание в себе? Вероятно, что и то, и другое, и третье, не было лишь одного – любви, побеждающей грех и зло своего ближнего. Говорится это не в осуждение, а для уразумения таких жизненных ситуаций, когда человек, поставленный перед лицом «врагов своих» (а враг – это, прежде всего, нелюбящий), вынужден как-то действовать. Призыв Христа – «возлюби врагов своих» – на самом деле не под силу человеческой природе. «Невозможное человеку, возможно Богу» – утешает нас Господь, даруя нам свою благодать. Но способны ли мы её принять? Понимаем ли, что Господь делает нас в эти моменты Своими соработниками? Вот как рассуждает о Божьем Промысле Максим Исповедник в «Главах о любви»: «Если *любовь долготерпит и милосердствует* (1 Кор 13:4), то малодушествующий при случившихся скорбях, а потому и дурно поступающий с обидившими его и отсекающий себя от любви к ним, разве не отпадает тем самым от цели Божиего Промысла?»⁷³. Сохранение себя от ненависти; помощь ближнему, насколько это возможно, дабы он избавился от зла; чистосердечная молитва о нем; незлословие, благоволение – «таков путь любомудрия по Христу»⁷⁴.

Путь молодой жены оказался иным. Бунт «кроткой» (желание застрелить из револьвера спящего мужа) – это не просто отчаянное несогласие с грехами мужа, это отождествление греха с грешником, практически всегда сопровождающееся злобой. Последующую шестинедельную болезнь девушки следует рассматривать как следствие противоестественного использования ею естественных сил души. Но даже в период её болезни муж продолжает борьбу за превосходство. Он радуется своей победе над ней: «побеждена, но не прощена»⁷⁵, радуется её греху и усиливает их разъединение покупкой отдельной кровати для неё. Что же она? Она молча принимает все его действия, она дает молчаливое согласие на разъединение... Бессилие после болезни, робкая кротость жены, сознательное отдаление развязки отношений со стороны мужа, «смакование» мысли об её унижении, вновь молчаливые прогулки или ни к чему не обязывающий разговор – таковы внутренние и внешние стороны жизни семейной пары в течение зимы.

Падение пелены с глаз и сердца мужа и его бурное объяснение в любви напугало жену, но вместе с тем, можно с уверенностью говорить о падении пелены и с её сердца. Она выходит из своей замкнутости, успокаивает его кающегося, беспокоится о нем, утешает его, плачет. Она называет себя преступницей, стыдится своего поступка, обещает мужу быть верной, уважающей его женой. Казалось, ничто не предвещало трагедии. Но именно после всего произошедшего девушка кончает жизнь самоубийством.

Весь контекст данной ситуации указывает, на наш взгляд, не столько на активное своеволие, сколько на подавленность воли в результате добровольного отказа любить Бога и ближнего. Угасание духа или искусственная, добровольная блокировка умной и разумной сил человеческой души обессиливает саму душу, истощает её, делает боязливой и неуверенной. Желанию преодолеть разъединенность не хватает веры в Бога и как следствие – не хватает любви к ближнему, которая по своей сути есть жажда его спасения. В воле человека остается выбор между верой и безверием, выбор между тем – держать перед собой образ Христов, вдохновляющий Своей Богочеловеческой любовью или не держать, следовать Его заповедям по любви к Нему или не следовать, быть верным домостроителем благодати Божией или не быть.

Преподобный Иустин Попович называет Христа вслед за Достоевским вечным оптимизмом для верующего человека. В православной аксиологии Достоевского Христос – высшая ценность, идеал человеческой личности – «видимый, осязаемый, воплощенный и

⁷² Достоевский. Цит. соч. – С. 15.

⁷³ Преп. Максим Исповедник. Главы о любви IV. 18 // Преп. Максим Исповедник. Избранные творения. М.: Паломник, 2004. – С. 188. (Библиотека отцов и учителей церкви. Т. XIV).

⁷⁴ Преп. Максим Исповедник. Главы о любви IV. 30 // Преп. Максим Исповедник. Избранные творения. М.: Паломник, 2004. – С. 189. (Библиотека отцов и учителей церкви. Т. XIV).

⁷⁵ Достоевский Ф. М. Кроткая (фантастический рассказ) // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 24. Ленинград: Издательство «Наука», 1982. – С. 22.

воплотимый»⁷⁶, «её альфа и омега»⁷⁷. Лик Христов – единственный путеводитель «по ужасному смешению добра и зла в человеческой жизни»⁷⁸, «единственное мерило всего видимого и невидимого»⁷⁹. Воплощенное Слово – Живое и Вечное – единственное противоядие против своеволия и безволия как недолжных способов использования естественных сил человеческой души. Апостолы напоминают нам об этом: «Помыслите о Претерпевшем такое над Собою поругание от грешников, чтобы вам не изнемочь и не ослабеть душами вашими. Вы ещё не до крови сражались, подвизаясь против греха»⁸⁰. «Итак укрепите опустившиеся руки и ослабевшие колени и ходите прямо ногами вашими, дабы хромлющее не совратилось, а лучше исправилось»⁸¹; «<...> всегда преуспевайте в деле Господнем, зная, что труд ваш не тщетен пред Господом»⁸². «Бодрствуйте, стойте в вере, будьте мужественны, тверды. Всё у вас да будет с любовью»⁸³.

Просьбу апостолов «стоять в вере» следует понимать как просьбу быть верным единственно правильному вектору движения человеческой души – вектору уподобления Богу через соблюдение Его заповедей. Вера, будучи свободно выбираемым направлением движения человека, отнюдь не противоречит разуму как одной из способностей человеческой души. Ибо только верующий разум не слеп.

Вера, в свою очередь, является условием любви как всецелого единения человека с Богом и человека с человеком.

Человеку, изучающему апостольское учение о соотношении веры и дел закона, может на первый взгляд показаться, что они противоположны. Однако слова апостола Павла о том, что «<...> закон был для нас детоводителем ко Христу, дабы нам оправдаться верою»⁸⁴ и что «<...> конец закона – Христос, к праведности всякого верующего»⁸⁵ заставляют нас отказаться от жесткого противопоставления веры и дел закона. Апостолы призывают нас не к внешнему благочестию, а к подлинному, живому, вырастающему из глубин и тайников человеческой души, укорененному в вере как устремленности всех сил человеческой души к Богу.

Подытожим далее рассуждения преп. Максима Исповедника и преп. Иустина Поповича об устройстве человеческой души, её целях и задачах. Человеческая душа сотворена по образу Божьему, то есть мыслящей и обладающей свободной волей, иными словами, самовластной. Свобода распоряжения собой привела человека к грехопадению. Но и до грехопадения человека и после него воля Божья о человеке осталась неизменна – жизнь вечная с Богом и в Боге! Стать богочеловеком, обожиться – вот к чему призывает нас Бог. Этот призыв звучит не просто словесно. Христос как воплотившийся Бог делом нам показывает желанный Богу путь. Именно поэтому Христос есть высшая ценность, мерило и цель человеческой жизни. Согласно преп. Иустину Поповичу, «Богочеловек – <...> сущность, смысл и цель богообразной человеческой души, а через её посредство – и самого человеческого тела»⁸⁶. Иустин Попович напрямую ставит вопрос: «Ибо что значит быть православным?»⁸⁷ И отвечает: «Значит – пребывать в непрестанном подвиге от человека к Богочеловеку, неутомимо возделывая себя святыми Богочеловеческими таинствами и святыми Богочеловеческими добродетелями»⁸⁸. Вот почему вера в бессмертие человеческой души, являясь фактически верой в Бога как Творца и Промыслителя, названа Достоевским главной идеей человеческой жизни.

⁷⁶ Преп. Иустин (Попович). Философия и религия Ф. М. Достоевского. Мн.: Издатель Д. В. Харченко, 2007. – С. 139.

⁷⁷ Преп. Иустин (Попович). Цит. соч. – С. 211.

⁷⁸ Преп. Иустин (Попович). Цит. соч. – С. 223.

⁷⁹ Преп. Иустин (Попович). Цит. соч. – С.143.

⁸⁰ Евр 12. 3, 4.

⁸¹ Евр 12. 12, 13.

⁸² 1 Кор 15. 58.

⁸³ 1 Кор 16. 13, 14.

⁸⁴ Гал 3. 24.

⁸⁵ Рим 10. 4.

⁸⁶ Преп. Иустин (Попович). Цит. соч. – С. 441.

⁸⁷ Преп. Иустин (Попович). Цит. соч. – С. 443.

⁸⁸ Преп. Иустин (Попович). Цит. соч. – С. 443.

Вектор веры является главенствующим не только в теоретическом масштабе антропологии и аксиологии, но и в масштабе жизни, поскольку изначально дарование человеку богообразной души задает основание для различения греха и добродетели как двух видов человеческих действий – противоположного (противологосного) и действия, согласного с человеческой природой и Божественными логосами о человеке. Результат противоположных действий – духовная дезориентация и обезличивание человека. Вывод предельно прост: если человек теряет веру, он теряет духовный фундамент и в итоге – самого себя. Укрепляется в вере – обретает подлинную жизнь, соединяясь с мерилем Жизни Богочеловеком Христом. «Итак, Богочеловек – это высшая и самая совершенная ценность, единственное вечное достояние, а тем самым – и высший и самый совершенный критерий, единственный вечный критерий истины, жизни, правды, света, доброты и премудрости. Всё свое учение и всю свою деятельность Владыка Христос сводит к Своей Богочеловеческой Личности и объясняет Ею»⁸⁹, – заключает Иустин Попович. Такова конкретизация сербским богословом и подвижником тезиса Ф. М. Достоевского о вере в бессмертие человеческой души как главной идее человеческой жизни. В этом тезисе Достоевский указывает и на стартовую точку человеческой жизни – душа сотворена по образу Божьему, самовластной и бессмертной, и на заданную финишную точку – человек призван к богоподобию, к вечной жизни с Богом и в Боге. Приведенное выше раскрытие и обоснование «голословного» утверждения Ф. М. Достоевского составляет основное содержание православной аксиологии писателя.

Список литературы

1. Преп. Иустин (Попович). Философия и религия Ф. М. Достоевского. Мн.: Издатель Д. В. Харченко, 2007. 312 с.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Издание Московской Патриархии, 1990. 1372 с.
3. Достоевский Ф. М. Дневник писателя: Избранные страницы. М.: Современник, 1989. 557 с.
4. Преп. Максим Исповедник. Письмо XIII. Краткое слово к иллюстрию Петру против учения Севира // Прп. Максим Исповедник: полемика с оригенизмом и моноэнергизмом / Сост. Г. И. Беневич, Д. С. Бирюков, А. М. Шуфрин. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. Т. II. С. 167. (Византийская философия. Т. 2; Smaragdus Philocalias).
5. Преп. Максим Исповедник. Письмо VII. Пресвитеру Иоанну о том, что душа и после смерти сохраняет действие мысли и не утрачивает ни одной из своих естественных способностей // Прп. Максим Исповедник: полемика с оригенизмом и моноэнергизмом / Сост. Г. И. Беневич, Д. С. Бирюков, А. М. Шуфрин. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. Т. II. С. 167. (Византийская философия. Т. 2; Smaragdus Philocalias).
6. Преп. Максим Исповедник. Мистагогия // Преп. Максим Исповедник. Избранные творения. М.: Паломник, 2004. С. 211-250. (Библиотека отцов и учителей церкви. Т. XIV).
7. Шервуд П. Максим и оригенизм // Прп. Максим Исповедник: полемика с оригенизмом и моноэнергизмом / Сост. Г. И. Беневич, Д. С. Бирюков, А. М. Шуфрин. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 496-528. (Византийская философия. Т.1; Smaragdus Philocalias).
8. Преп. Максим Исповедник. Слово о подвижнической жизни // Преп. Максим Исповедник. Избранные творения. М.: Паломник, 2004. С. 109-135. (Библиотека отцов и учителей церкви. Т. XIV).
9. Молитвослов на всякую потребу и на всякий день. СПб.: Изд-во Сатись, 2006. 576 с.
10. Преп. Максим Исповедник. Вопросы к Фалассию // Преп. Максим Исповедник. Творения. Кн. II. Вопросы к Фалассию. Ч.1. Вопросы I-LV. М.: Мартис, 1993. 286 с.
11. Преп. Максим Исповедник. Главы о любви // Преп. Максим Исповедник. Избранные творения. М.: Паломник, 2004. С. 136-200. (Библиотека отцов и учителей церкви. Т. XIV).
12. Достоевский Ф. М. Кроткая (фантастический рассказ) // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 24. Ленинград: Издательство «Наука», 1982. С. 5-35.
13. Преп. Максим Исповедник. Послание к Иоанну Кубикулярию о любви // Преп. Максим Исповедник. Избранные творения. М.: Паломник, 2004. С. 201-210. (Библиотека отцов и учителей церкви. Т. XIV).

⁸⁹ Преп. Иустин (Попович). Философия и религия Ф. М. Достоевского. Мн.: Издатель Д. В. Харченко, 2007. – С. 439

14. Собрание творений преподобного Иустина (Поповича). Т. IV. Догматика православной церкви. Ч. 5, 6. Пневматология. Эсхатология. Пер. с сербского С. Фонова. Общ. ред. проф., д-ра церковной истории А. И. Сидорова. М.: Паломник; Сибирская Благовонница. 2007. 512 с.

F. M. DOSTOJEVSKY'S ORTHODOX AXIOLOGY ILLUSTRATED BY THE STORY «THE MEEK WOMAN».

Y. V. KUSHNARENKO

*Siberian State University
of Telecommunications
and Information Sciences
(SIBSUTIS)*

e-mail: janakush@mail.ru

The author of this article tries to give the philosophical substantiation of the «unfounded» F.M. Dostoevsky's thesis concerning the faith in the immortality of a human soul as the main idea of our life.

The author defines the following concepts: faith, reason, love, a human soul and studies the correlation of faith and reason, faith and deeds, faith and love. The Scripture and the holyfather's anthropology presented by St. Maxim Confessor and St. Justin Popovich has been taken as a theoretical ground to solve this task.

The main content of F.M. Dostoevsky's orthodox axiology including aims, tasks, values and the high value has been uncovered by the philosophical language. The story «The meek woman» has been taken as the practical demonstration of main conclusions of Dostoevsky's orthodox axiology.

Key words: axiology, faith, immortality of a human soul, love.